

Совет по правам человека**Сорок седьмая сессия**

21 июня — 9 июля 2021 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие****Дезинформация и свобода мнений и их свободное
выражение****Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении
и защите права на свободу мнений и их свободное выражение
Айрин Хан***Резюме*

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение рассматривает угрозы, которые возникают для прав человека, демократических институтов и процессов развития в результате дезинформации. Признавая сложности и проблемы, порождаемые дезинформацией в цифровую эпоху, Специальный докладчик считает при этом, что меры реагирования со стороны государств и компаний являются проблематичными, неадекватными и пагубными для прав человека. Она призывает к принятию многоплановых и многосторонних мер реагирования, которые опирались бы на прочную международную правозащитную основу, и настоятельно призывает компании пересмотреть свою модель предпринимательской деятельности, а государства — переосмыслить свои меры реагирования на дезинформацию, повышая роль свободных, независимых и разнообразных средств массовой информации, инвестируя в средства массовой информации и цифровую грамотность, расширяя права и возможности отдельных лиц и восстанавливая доверие общества.

I. Введение

1. Более 2 000 лет назад Октавиан развернул порочную дезинформационную кампанию с целью уничтожения своего соперника Марка Антония и в итоге стал первым римским императором Августом Цезарем. С тех древних времен информация фальсифицируется и подтасовывается для того, чтобы выигрывать войны, продвигать политические амбиции, мстить за недовольство, причинять вред тем, кто уязвим, и получать финансовую прибыль.
2. Дезинформация — не новое явление. Новым является то, что цифровые технологии позволили различным субъектам создавать, распространять и усиливать ложную или подтасованную информацию в политических, идеологических или коммерческих целях в невиданных масштабах, с такой быстротой и в таких пределах досягаемости, о которых ранее никогда не было известно. В сочетании с политическими, социальными и экономическими злоупотреблениями в реальном мире дезинформация в сети может вызывать серьезные последствия для демократии и прав человека, как это продемонстрировали недавние выборы, реакция на пандемию коронавирусного заболевания (COVID-19) и нападения на группы меньшинств. Она приводит к политической поляризации, мешает людям реально осуществлять свои права человека и разрушает их доверие к правительствам и институтам.
3. Ведение поисков надлежащих мер реагирования на дезинформацию затруднено не в последнюю очередь потому, что эта концепция не получила определения и ею легко злоупотреблять, а также потому, что масштаб и характер проблемы ставится под вопрос при отсутствии достаточных данных и исследований. Принимаемые государствами меры реагирования часто бывают проблематичными и грубыми и оказывают пагубное воздействие на права человека. Компании играют важную роль в распространении дезинформации, однако их усилий по решению этой проблемы, к сожалению, недостаточно.
4. В основе этой проблемы лежит проблема прав человека, усугубляемая информационной путаницей. На практике все чаще подтверждается, что дезинформация, как правило, процветает там, где права человека ограничены, где режим общественной информации не отличается надежностью и где качество, разнообразие и независимость средств массовой информации являются слабыми звеньями. И наоборот, там, где свобода мнений и их выражения находится под защитой, гражданское общество, журналисты и другие лица могут бороться с ложью и выдвигать альтернативные точки зрения. Это делает международные правозащитные нормы мощной и надлежащей основой для борьбы с дезинформацией.
5. В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение признает сложность явления дезинформации и описывает концептуальные и контекстуальные проблемы, которые она создает. Специальный докладчик излагает соответствующие международные правовые нормы, анализирует меры реагирования государств и компаний на это явление, а затем предлагает рекомендации в отношении многоцелевых ответных мер, основанных на международном праве в области прав человека, транспарентности и подотчетности, а также на участии множества заинтересованных сторон, представляющих государства, компании и гражданское общество. Опираясь на новаторскую работу, проделанную ее предшественником по вопросу о правозащитных обязанностях цифровых платформ, нынешний Специальный докладчик призывает к пересмотру моделей предпринимательской деятельности платформ и к переосмыслению мер реагирования государств на дезинформацию.
6. При подготовке доклада Специальный докладчик воспользовалась материалами, предоставленными 119 организациями гражданского общества и научными учреждениями, 3 международными организациями, 3 государствами-членами и 3 компаниями, а также провела несколько консультаций с организациями гражданского общества и встреч с государствами-членами, компаниями социальных сетей и экспертами в режиме онлайн.

7. Доклад не претендует на исчерпывающий характер содержания и рекомендаций. В нем, например, не охвачен вопрос о кампаниях по дезинформации, которые проводит государство или спонсируемые государством субъекты в отношении населения других государств, поскольку это сложная тема, требующая более широких консультаций и размышлений, чем это было бы возможно в сроки, предусмотренные для подготовки настоящего доклада.

8. Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы завязать диалог с заинтересованными сторонами, включая государства-члены, компании и гражданское общество, и внести вклад в проводимые на различных форумах обсуждения в целях дальнейшего уточнения и реализации выводов и рекомендаций.

II. Концептуальные и контекстуальные проблемы

A. Понятие дезинформации

9. Общепринятого определения понятия дезинформации не существует. Хотя дефицит согласия затрудняет принятие глобальных мер реагирования, отсутствие консенсуса подчеркивает сложный и по своей сути политический и спорный характер этой концепции.

10. Частично проблема заключается в невозможности провести четкую грань между фактом и ложью и между отсутствием и наличием намерения причинить вред. Ложная информация может быть использована в качестве инструмента субъектами с диаметрально противоположными целями. Правдивую информацию можно обозначить как «фальшивые новости» и лишить законного права на использование. Мнения, убеждения, нетвердость знания и другие формы выражения, например пародию и сатиру, нелегко однозначно отнести к категории либо истины, либо фальши. Кроме того, ложный контент, распространяемый в сети с намерением причинить вред (дезинформация), может быть подхвачен и передан ничего не подозревающими третьими сторонами, у которых нет таких намерений (недостоверная информация) и которые, сами того не желая, являются переносчиками, усиливающими его распространение и повышающими доверие к злоумышленнику. Умышленно или нет, но происходит причинение вреда. Некоторые формы дезинформации могут быть приравнены к подстрекательству к ненависти, дискриминации и насилию, которые запрещены по международному праву.

11. Европейская комиссия характеризует дезинформацию как поддающуюся проверке ложную или вводящую в заблуждение информацию, которая в целом создается, представляется и распространяется с целью получения экономической выгоды или преднамеренного обмана общественности и которая может причинить общественный вред¹. С другой стороны, Комиссия по широкополосной связи в интересах устойчивого развития рассматривает дезинформацию как ложный или вводящий в заблуждение контент, способный вызывать последствия, независимо от лежащих в его основе намерений или поведения, в результате которых создаются и распространяются сообщения². Национальные законы и правила, касающиеся дезинформации, охватывают различную комбинацию ложной или вводящей в заблуждение информации, намерение причинить вред или отсутствие такового, а также характер причиненного или предполагаемого вреда. Дезинформацию часто описывают в широко толкуемых, не имеющих четкого определения терминах, не соответствующих международным правовым стандартам.

12. Ученые разработали классификацию информационной путаницы, в которой «дезинформация» описана как ложная информация, которая сознательно передается с

¹ Европейская комиссия, *Code of Practice on Disinformation* (2018).

² Комиссия по широкополосной связи в интересах устойчивого развития, *Balancing Act: Countering Digital Disinformation While Respecting Freedom of Expression* (International Telecommunication Union and United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, September 2020), pp. 8, 18 and 25 ff.

намерением причинить вред, «недоверная информация» — как непреднамеренное распространение ложной информации, а «неверная информация» — как подлинная информация, передаваемая с намерением причинить вред³. При попытке воссоздания целостной и взаимосвязанной картины этой проблемы структура информационной путаницы побуждает к использованию многопланового, разнообразного и контекстуального подхода к дезинформации.

13. Некоторые ученые сформулировали явление дезинформации как «вирусный обман», состоящий из трех факторов переноса информации: манипулятивных субъектов, обманчивого поведения и вредного контента⁴. Основное внимание уделяется поведению в сети, а не правдивости контента. Некоторые крупные платформы социальных сетей, включая Facebook, ссылаются на эти факторы при формировании своей политики реагирования на скоординированное манипулятивное воздействие.

14. В конечном счете, отсутствие ясности и согласия в отношении того, что представляет собой дезинформация, в том числе частое использование заменяющего это название термина «недоверная информация», снижает эффективность мер реагирования⁵. Это также ведет к применению подходов, ставящих под угрозу право на свободу мнений и их свободное выражение. Крайне важно прояснить понятия дезинформации и недоверной информации в рамках международного права в области прав человека.

15. Для целей настоящего отчета под дезинформацией понимается ложная информация, намеренно распространяемая с целью причинения серьезного социального вреда, а под недоверной информацией — неосознанное распространение ложной информации. Эти термины не употребляются как взаимозаменяемые.

В. Субъекты и факторы переноса

16. Дезинформация быстро и широко распространяется через социальные сети и платформы обмена сообщениями даже в некоторых из наиболее отдаленных и нестабильных регионов мира⁶, хотя в целом остается лишь небольшой частью объема всей находящейся в обращении информации⁷. Цифровые технологии позволяют по-новому передавать ее в виде текстов, изображений и видео сюжетов, в том числе больших и малых информационных вбросов, которые могут давать искаженную картину реальности⁸. Ложная информация усиливается благодаря алгоритмам и моделям предпринимательской деятельности, разработанным для продвижения сенсационного контента, который заставляет заинтересованных пользователей продолжать использование платформ. Дезинформация процветает в сетевой среде, которая способствует ее усилению, одновременно снижая доступность множественных и разнообразных источников информации.

17. Глобальная система дезинформации является высокодоходным бизнесом, которым движут коммерческие мотивы и который становится все более

³ Claire Wardle and Hossein Derakhshan, *Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policymaking* (Council of Europe, 2017), p. 5.

⁴ Camille François, “Actors, behaviors, content: a disinformation ABC” (Transatlantic Working Group, September 2019).

⁵ Материалы, предоставленные Организацией Объединенных Наций по вопросам, образования, науки и культуры.

⁶ Материалы, предоставленные фондом «Иронделль».

⁷ Материалы, предоставленные Рейтеровским институтом изучения журналистики (Оксфордский университет) и Центром по изучению социальных сетей и политики (Нью-Йоркский университет).

⁸ Описание различных методов распространения дезинформации см., например, Kate Jones, “Online disinformation and political discourse: applying a human rights framework”, Chatham House Research Paper (November 2019), pp. 11–12.

профессиональным⁹. Технологические компании предположительно также дают распространителям недостоверной информации возможность монетизировать их контент, например, позволяя сайтам, где публикуются сплетни и распространяется информация о тайных сговорах, связанных с COVID-19, размещать рекламу на своих платформах¹⁰. По сути, дезинформация представляет собой современный способ в цифровую эпоху зарабатывать деньги путем целенаправленного распространения лжи¹¹.

18. Новые технологии для производства дезинформации или контента, вызывающего разногласия, по многим причинам (политическим, идеологическим или коммерческим) используют в своих целях многочисленные субъекты, включая государства, политические партии, политиков и других влиятельных лиц или предприятия, поддерживаемые армиями троллей или компаниями по связям с общественностью¹². Ложные сообщения этих подстрекателей часто, вольно или невольно, передают традиционные средства массовой информации¹³, знаменитости или обычные пользователи через круг своих коллег и друзей в процессе сложного обмена информацией между сетевым и реальным мирами.

19. Идеологически мотивированные негосударственные субъекты, в том числе экстремистские или террористические группы, также часто участвуют в распространении фальшивых новостей и концепций в рамках осуществляемой ими пропаганды, направленной на радикализацию и вербовку в свои ряды¹⁴. Соображения безопасности и чрезмерная реакция государств на них вызывают еще большую обеспокоенность в отношении прав человека¹⁵.

20. Несмотря на вышеизложенное, рост объема дезинформации в последнее время нельзя приписывать исключительно технологиям или злоумышленникам. Его необходимо понимать в сочетании с другими факторами, в том числе: испытывающим огромные трудности традиционным сектором средств массовой информации, который сталкивается с преобразованиями в сфере цифровизации и которому грозит конкуренция со стороны онлайн-платформ, а в некоторых частях мира и давление со стороны государства; отсутствием надежных режимов общественной информации; общим низким уровнем грамотности населения в области цифровых технологий и средств массовой информации; а также разочарованием и недовольством все большего числа людей, которые вызваны десятилетиями экономических лишений, сбоями рыночного механизма, политическим бесправием и социальным неравенством, что делает некоторых людей более уязвимыми для манипуляций¹⁶.

21. Дезинформация является не причиной, а следствием социальных кризисов и падения доверия общества к институтам. Стратегии борьбы с дезинформацией вряд ли увенчаются успехом, если не уделять больше внимания этим основополагающим факторам.

⁹ Samantha Bradshaw, Hannah Bailey and Philip N. Howard, “[Industrialized disinformation: 2020 global inventory of organized social media manipulation](#)”. (Computational Propaganda Project, University of Oxford, 2021), p. 21.

¹⁰ См., например, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Parliament, “[Misinformation in the COVID-19 Infodemic](#)” (20 July 2020).

¹¹ Материалы, предоставленные Университетом Эдит Коуэн.

¹² См., например, Dhanaraj Thakur and DeVan L. Hankerson, “[Facts and their discontents: a research agenda for online disinformation, race and gender](#)” (Center for Democracy and Technology, February 2021). См. также материалы, предоставленные ПЕН-клубом Америки.

¹³ Media Matters for Democracy, “[Disorder in the newsroom: the media’s perceptions and response to the infodemic](#)” (December 2020).

¹⁴ См., например, Межрегиональный научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций по вопросам преступности и правосудия, “[Stop the virus of disinformation: the risk of malicious use of social media during COVID-19 and the technology options to fight it](#)” (November 2020), pp. 15–17.

¹⁵ Материалы, предоставленные Стэнфордским университетом.

¹⁶ Материалы, предоставленные организацией «Статья 19: Международный центр против цензуры» и Проектом по регулированию Интернета.

С. Цели и жертвы

22. Хотя практические исследования свидетельствуют о том, что лишь небольшая часть людей подвергается дезинформации¹⁷, ее воздействие на институты, общины и отдельных лиц является реальным, осуществляется на широкой и законной основе. В более чем 100 представленных материалах, полученных Специальным докладчиком для настоящего доклада, содержится множество конкретных примеров¹⁸. Предполагается, что значительная часть целенаправленных действий являются политически мотивированными, направлены против институтов и лиц, находящихся в уязвимом положении, и затрагивают широкий спектр прав человека, включая экономические, социальные, культурные, гражданские и политические права.

23. Имеются явные свидетельства того, что надежные режимы общественной информации и независимая журналистика являются сильным противоядием от дезинформации. Поэтому вдвойне тревожно, что клеветнические кампании против журналистов становятся все более вредоносными в социальных сетях. Некоторые политические лидеры обозначают средства массовой информации как «врагов народа»¹⁹ либо финансируют целые «отрасли фальшивых новостей», которые заглушают сообщения СМИ²⁰. Подобные нападки подрывают доверие общества к журналистике и внушают журналистам большие опасения в отношении выполнения своей работы²¹. Согласно одному из сообщений, по обвинению в «фальшивых новостях» в тюрьме в 2020 году оказалось не менее 34 журналистов по сравнению лишь с 1 в 2012 году²². Дезинформация представляет угрозу не только для безопасности журналистов, но и для сферы средств массовой информации, в которой они работают²³, заставляя традиционные СМИ переключать драгоценные ресурсы с ведения репортажей о событиях на разоблачение и развенчание лжи.

24. В некоторых странах дезинформация используется весьма заметным образом, с тем чтобы подорвать право на свободные и справедливые выборы²⁴. В качестве примера можно привести кампании по дезинформации на расовой почве, которые использовались для подавления голосов цветных общин в ходе проведения трех последних крупных выборов в Соединенных Штатах Америки²⁵. Во время президентских выборов 2020 года тогдашний президент Дональд Трамп и его подручные неоднократно стремились подорвать доверие к системе голосования по почте и выдвигали необоснованные заявления о фальсификации выборов в социальных сетях²⁶. Разрушительное воздействие политически мотивированной дезинформации ощущается и в демократических институтах многих других стран, где она ограничивает свободу слова, снижает уровень доверия к публичной сфере как к пространству для демократического обсуждения, усиливает антидемократические концепции, стимулирует поляризацию общества и продвигает авторитарные и популистские повестки дня²⁷.

¹⁷ Материалы, предоставленные Центром по изучению социальных сетей и политики и Рейтеровским институтом изучения журналистики.

¹⁸ С этими предоставленными материалами можно будет ознакомиться по адресу <https://www.ohchr.org/EN/Issues/FreedomOpinion/Pages/Report-on-disinformation.aspx>.

¹⁹ Комитет по защите журналистов, “The Trump Administration and the media: attacks on press credibility endanger US democracy and global press freedom” (April 2020).

²⁰ Европейский парламент, “Disinformation and propaganda: impact on the functioning of the rule of law in the EU and its Member States” (2019).

²¹ Media Matters for Democracy, “Disorder in the newsroom”.

²² Материалы, предоставленные Комитетом по защите журналистов.

²³ Там же.

²⁴ Материалы, предоставленные Центром развития демократии и технологий и ПЕН-клубом Америки.

²⁵ Young Mie Kim, “Voter suppression has gone digital”, Brennan Center for Justice, 20 November 2018.

²⁶ Материалы, предоставленные Международным центром некоммерческого права.

²⁷ См., например, материалы, предоставленные Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций и компанией Глобальное цифровое партнерство.

25. За прошедший год распространение дезинформации и недостоверной информации из негосударственных источников создало серьезные проблемы для осуществления права на здоровье и принятия мер реагирования на пандемию коронавирусного заболевания (COVID-19) на фоне прилагаемых некоторыми правительствами усилий по сокрытию или фальсификации информации²⁸. Как и в случае с глобальным здравоохранением в отношении изменения климата излишне научная информация была дискредитирована, а активисты-экологи подверглись нападкам с помощью хорошо организованных в сети дезинформационных кампаний.

26. Дезинформация, выстроенная на идеологии и идентичности, разжигает дискриминацию и ненависть в отношении меньшинств, мигрантов и других маргинализованных общин²⁹, порождая этническую или религиозную напряженность³⁰, которая в итоге порой оборачивается насилием в реальной жизни, как это произошло в Эфиопии³¹ и Мьянме³². Организации гражданского общества призывают к проведению дополнительных исследований, чтобы целиком осознать масштабы дезинформации об уязвимых общинах и общинах меньшинств³³.

27. Сетевые дезинформационные кампании по гендерным проблемам все чаще применяются для того, чтобы сдерживать участие женщин в общественной жизни, когда вперемешку используют «старые укоренившиеся сексистские взгляды с анонимностью и охватом социальных сетей в попытке разрушить репутацию женщин и вытолкнуть их из общественной жизни»³⁴. Особым нападкам подвергаются женщины-журналисты, женщины-политики и защитницы гендерного равенства, выступающие по феминистским вопросам³⁵. Значительная дезинформация возникает также по вопросу о сексуальном и репродуктивном здоровье³⁶.

28. Правозащитники и организации гражданского общества, особенно те, которые представляют маргинализованные и дискриминируемые группы, подвергаются грубым нападкам, а также словесным оскорблениям и очернению со стороны организуемых в сети дезинформационных кампаний³⁷.

29. Негативные последствия дезинформации бесспорны и должны быть устранены. Международное право в области прав человека представляет собой мощное противоядие и обеспечивает основу для разработки мер реагирования.

III. Применимая международно-правовая основа

30. Совет по правам человека подтвердил, что меры реагирования на распространение дезинформации и недостоверной информации должны основываться на международном праве в области прав человека, включая принципы правомерности, законности, необходимости и соразмерности³⁸. Хотя дезинформация затрагивает широкий круг прав человека, в настоящем докладе основное внимание уделяется свободе мнений и их свободному выражению в свете той особой ценности, которую это право придает усилиям по борьбе с дезинформацией.

31. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантируют право беспрепятственно

²⁸ A/HRC/44/49, пп. 45–47.

²⁹ A/HRC/46/57.

³⁰ Материалы, предоставленные Ассоциацией мусульманских юристов «Ахмадие».

³¹ См. <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26483&LangID=E>.

³² См. <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26808&LangID=E>.

³³ См. материалы, предоставленные организацией «Доступ сейчас» и Центром развития демократии и технологий.

³⁴ Nina Jankowicz, “How disinformation became a new threat to women”, *Coda Story*, 11 December 2017.

³⁵ Материалы, предоставленные организацией «Вопросы СМИ на службе демократии». См. также дело Марии Ресса, упомянутое в сообщении AL PHL 12/2018.

³⁶ Материалы, предоставленные организацией MSI Reproductive Choices.

³⁷ Материалы, предоставленные фондом «Цифровые права».

³⁸ Резолюция 44/12.

придерживаться своих мнений и право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ и с помощью любых информационных средств. Хотя свобода мнений является абсолютной, при определенных обстоятельствах свобода выражения мнений может быть ограничена. Государство обязано воздерживаться от вмешательства в это право, а также обязано обеспечивать, чтобы другие субъекты, в том числе предприятия, не вмешивались в его осуществление.

32. Предыдущий мандатарий настоятельно призывает компании, занимающиеся цифровыми технологиями, применять международные правозащитные стандарты в своей деловой практике³⁹. Эти призывы приобретают еще большую актуальность в контексте распространения дезинформации и недостоверной информации.

A. Свобода мнений

33. Право на свободу мнений включает в себя два аспекта: внутренний аспект тесно связан с правом на неприкосновенность частной жизни и свободу мысли, а внешний аспект связан со свободой выражения мнений. В то время как последний аспект часто является предметом обсуждений, первый аспект лишь с недавних пор начал привлекать внимание в результате более глубокого осознания и понимания манипулятивных методов, которые используют социальные платформы, государственные и иные субъекты в сети для оказания влияния на отдельных лиц таким образом, что это может нарушить свободу их мнений⁴⁰.

34. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах защищает право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Это право является абсолютным и не допускает каких-либо исключений или ограничений. Несмотря на абсолютный и широкий характер этого права, в реальности мысли и мнения людей постоянно находятся под влиянием других людей, и «свобода подвергаться широкому спектру влияний сама по себе является одним из аспектов нашей самостоятельности»⁴¹. Поэтому при определении того, может ли дезинформация в Интернете нарушать свободу мнений и каким образом, важнейшим вопросом является знание и согласие обладателя прав.

35. Право формировать мнение и развивать его посредством рассуждений является существенным элементом свободы мнений. Хорошо известно, что свобода мнений включает в себя право не выражать мнения, а также право изменять свое мнение, когда человек в какой бы то ни было момент или по какой бы то ни было причине свободно делает такой выбор⁴². Иными словами, недобровольное раскрытие мнения запрещается, а самостоятельность мышления подтверждается. Любое принуждение лиц к тому, чтобы они придерживались или не придерживались какого-либо мнения, запрещено.

36. Наказание, преследование, запугивание и стигматизация за выражение мнения, в том числе принуждение, недобровольное или без согласия манипулирование процессом мышления с целью формирования мнения, являются нарушениями права на мнение⁴³. Под принуждением или манипулятивным действием понимаются идеологическая обработка, «промывка мозгов», воздействие на «сознание или

³⁹ A/HRC/38/35, пп. 9–12; и A/74/486, пп. 40–55.

⁴⁰ Evelyn Aswad, “Losing the freedom to be human”, *Columbia Human Rights Law Review*, vol. 52 (2020); Susie Alegre, “Rethinking freedom of thought for the 21st Century”, *European Human Rights Law Review* (2017); и Kate Jones, “Protecting political discourse from online manipulation: the international human rights law framework”, *European Human Rights Law Review* (2021).

⁴¹ Kate Jones, “[Online disinformation and political discourse: applying a human rights framework](#)”, p. 33.

⁴² Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 9.

⁴³ «Преднамеренные усилия по оказанию влияния способами, на применение которых не было дано согласия, нарушают это право, когда достигают уровня подавления самостоятельности мышления либо манипулирования чьими-то рассуждениями». См. Evelyn Aswad, “Losing the freedom to be human”, p. 329.

подсознание с помощью психоактивных препаратов или других средств манипуляции»⁴⁴. Цифровым эквивалентом этого могут быть методы, позволяющие государственным и негосударственным субъектам получать доступ к мыслям и мнениям людей и влиять на них без их ведома или согласия, такие как курирование контента с помощью рекомендаций или микроадресации мощных платформ. Такие методы играют значительную роль в распространении дезинформации и, так же, как и недобровольное или без согласия манипулирование мыслительными процессами, противоречат праву на свободу мнений⁴⁵.

В. Свобода выражения мнений

37. Право на свободу выражения мнений является широким и инклюзивным и включает в себя свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, независимо от государственных границ и с помощью любых средств информации, как обычным способом, так и в режиме онлайн⁴⁶.

38. В контексте дезинформации следует отметить два момента. Во-первых, право на свободу выражения мнений применимо ко всем видам информации и идей, в том числе тем, которые могут шокировать, оскорблять или беспокоить⁴⁷, и независимо от правдивости или ложности содержания⁴⁸. Согласно международному праву в области прав человека люди имеют право выражать необоснованные мнения и заявления или, если они того пожелают, позволять себе выражать их в жанре пародии или сатиры⁴⁹. Во-вторых, свободный поток информации является важнейшим элементом свободы выражения мнений и налагает на государства прямое обязательство проявлять инициативу и размещать информацию, представляющую общественный интерес, в открытых источниках, а также содействовать множественности и разнообразию источников информации, в том числе свободе средств информации. Это может быть ценным инструментом в борьбе с дезинформацией.

39. Свобода выражения мнений может быть ограничена лишь в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором требуется, чтобы все ограничения устанавливались законом и были необходимы для достижения законной цели уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В свете основополагающего значения этого права для осуществления всех других прав человека эти ограничения должны носить исключительный характер и толковаться узко.

40. Принцип законности требует, чтобы сфера действия, смысл и последствия закона были достаточно ясными, точными и публичными. Нечеткие формулировки законов, предоставляющие чрезмерные дискреционные полномочия, могут приводить

⁴⁴ Manfred Novak, *UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*, 2nd ed. (Kehl am Rhein, N.P. Engel, 2005).

⁴⁵ Evelyn Aswad, "Losing the freedom to be human". См. также аналогичный комментарий к статье 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) в Susie Alegre, "Rethinking freedom of thought for the 21st Century".

⁴⁶ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 12, и резолюция 20/8 Совета по правам человека.

⁴⁷ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 11. См. также Европейский суд по правам человека, *Handyside v. the United Kingdom*, application No. 5493/72, judgment, 7 December 1976, para. 49.

⁴⁸ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), пп. 47 и 49. См. также Европейский суд по правам человека, *Salov v. Ukraine*, application No. 65518/01, judgment, 6 September 2005, п. 113: «Статья 10 [Европейской] Конвенции [по правам человека, о свободе выражения мнений] не запрещает обсуждения или распространения полученной информации, даже при наличии серьезных оснований полагать, что эта информация может быть неправдивой».

⁴⁹ Ложные заявления могут быть ограничены лишь в том случае, если они также соответствуют ограничениям и критериям, изложенным в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

к принятию произвольных решений и несовместимы с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Любое ограничение дезинформации должно быть тесно и конкретно связано с защитой одной из законных целей, указанных в пункте 3 статьи 19. Запрещение ложной информации само по себе не является законной целью по международному праву в области прав человека.

41. Непосредственный характер причинно-следственной связи между высказыванием и вредом, а также тяжесть и незамедлительность нанесения вреда представляют собой ключевые соображения, которыми следует руководствоваться при оценке необходимости ограничения. Согласно принципу необходимости требуется, чтобы ограничение было уместным и пропорциональным для достижения законной цели и чтобы для ее защиты использовались наименее ограничительные средства. Уголовные санкции представляют собой серьезное вмешательство в свободу выражения мнений и являются несоразмерной мерой реагирования во всех случаях, за исключением наиболее вопиющих.

42. Учитывая основополагающее значение свободы выражения мнений для демократии и осуществления всех других прав человека и свобод, международное право в области прав человека обеспечивает особенно надежную защиту выражения мнений по вопросам, представляющим общественный интерес, включая критику правительств и политических лидеров и высказывания политиков и других общественных деятелей, а также свободы средств массовой информации⁵⁰. Это не означает, что дезинформация в контексте политических высказываний никак не может быть ограничена, но для любого такого ограничения требуется высокий уровень правомерности, законности, необходимости и соразмерности. Например, избирательное законодательство может вполне обоснованно запрещать распространение ложной информации, касающейся целостности избирательного процесса, однако такое ограничение должно быть узко истолковано, ограничено во времени и устроено таким образом, чтобы не ограничивать политические дебаты.

43. Дезинформация часто используется для разжигания ненависти и насилия. В пункте 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается, что всякое выступление в защиту национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. В нем не содержится ни призывов к уголовному преследованию, ни ссылок на несправедливую информацию. Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, является авторитетной «дорожной картой» для толкования пункта 2 статьи 20 и устанавливает шесть факторов для определения степени тяжести, необходимой для наступления уголовной ответственности за подстрекательство: контекст; статус автора высказывания; намерение; содержание и форма высказывания; охват аудитории; и вероятность риска. В некоторых ситуациях это может обеспечить соответствующие рамки для решения проблемы дезинформации⁵¹.

44. Язык вражды в отношении расового или этнического происхождения запрещен по статье 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Комитетом по правам человека и Комитетом по ликвидации расовой дискриминации было разъяснено, что запреты должны быть обоснованы в строгом соответствии со статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах и что уголовная ответственность должна применяться только в наиболее серьезных случаях.

45. В Совместной декларации о свободе выражения мнений и «фальшивых новостях», дезинформации и пропаганде изложены ключевые принципы, взятые из

⁵⁰ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 38.

⁵¹ A/HRC/22/17/Add.4, приложение, добавление.

международного права в области прав человека, которыми должны руководствоваться государства, компании и другие субъекты⁵².

IV. Меры реагирования государства на дезинформацию: ключевые проблемы

46. Реакция государства на дезинформацию может принимать различные формы, начиная от мер по блокированию работы Интернета и введению в действие законодательства в целях цензурирования информации, применения наказаний или ограничений за ее распространение и заканчивая регулированием деятельности платформ социальных сетей. По одну сторону спектра этих мер некоторые государства спонсируют дезинформацию, якобы стремясь подавить ее; по другую, противоположную (и позитивную) сторону спектра государства продвигают различные меры по поощрению свободного потока информации, расширению разнообразия средств массовой информации и поддержке медийной информации и цифровой грамотности в качестве средств борьбы с дезинформацией.

A. Дезинформация, спонсируемая государством

47. Дезинформация, спонсируемая государством, может исходить непосредственно от государственных учреждений или от действующих от имени государства субъектов, и быть ориентированной на аудиторию, находящуюся на территории государства или за его пределами, для достижения политических и стратегических целей⁵³. В цифровую эпоху новые технические методы значительно расширили масштабы, скорость и распространение таких операций. В сочетании с властью, средствами и возможностями государства их воздействие может быть губительным для прав человека. Когда государства систематически и одновременно подавляют другие источники информации, продвигая свои собственные ложные информационно-идеологические установки, они отказывают людям в праве искать и получать информацию согласно пункту 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵⁴.

48. Известный пример дезинформации под руководством государства касается деятельности «группы правдивой новостной информации Татмадау» в Мьянме, которая разместила в Интернете сфальсифицированные и неверно помеченные фотографии, связанные с кризисом беженцев рохинджа. В августе 2018 года Facebook заблокировал учетные записи этой «группы» за распространение языка вражды⁵⁵. Еще одним примером является сетевая практика «красных меток», используемая государственными агентами на Филиппинах в целях ложного обозначения активистов, журналистов и политических оппонентов как представителей левых, коммунистов, террористов или диверсантов, и тем самым повышающая для них риск подвергнуться аресту, нападению или стать жертвой убийства⁵⁶.

⁵² См. <https://www.osce.org/files/f/documents/6/8/302796.pdf>. Совместная декларация была принята 3 марта 2017 года Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Организации Объединенных Наций, Представителем по вопросам свободы средств массовой информации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Специальным докладчиком по вопросу о свободе выражения мнений Организации американских государств и Специальным докладчиком по вопросу о свободе выражения мнений и доступе к информации Африканской комиссии по правам человека и народов.

⁵³ В настоящем докладе не освещаются попытки государств распространять дезинформацию за пределами своих границ.

⁵⁴ Mark Milanovic and Michael N. Schmitt, “Cyber attacks and cyber (mis)information operations during a pandemic”, *Journal of National Security Law and Policy*, vol. 11 (2020).

⁵⁵ См. <https://about.fb.com/news/2018/08/removing-myanmar-officials/>.

⁵⁶ Сообщение AL PHL 1/2021.

49. В последние годы в ряде стран проводимые государством кампании по дезинформации стремились оказывать влияние на выборы и другие политические процессы, контролировать содержание общественных дебатов или пресекать протесты против действий правительств и критику в их адрес. В условиях пандемии COVID-19 имели место различные случаи, когда государственные субъекты распространяли непроверенные заявления о происхождении вируса, вызывающего COVID-19, отрицали распространение болезни или предоставляли ложную информацию о показателях заболеваемости, смертности и медицинских рекомендациях. Такая дезинформация подрывает усилия по борьбе с пандемией, ставя под угрозу права на здоровье и жизнь, а также доверие людей к общественной информации и государственным учреждениям⁵⁷.

В. Отключения Интернета

50. В течение последних двух лет в целом ряде стран, включая Беларусь⁵⁸, Демократическую Республику Конго⁵⁹, Мьянму⁶⁰ и Эфиопию⁶¹, Интернет отключали непосредственно перед выборами или во время их проведения, якобы для того, чтобы предотвратить распространение в сети дезинформации, которая могла бы спровоцировать насилие. Правительства также отдавали распоряжения об отключении Интернета во время демонстраций или для того, чтобы усмирить инакомыслие, например в Бахрейне и Венесуэле (Боливарианской Республике)⁶². В Таджикистане документально подтверждено наличие противоречивых законов, предоставляющих правительству широкие полномочия по своему усмотрению отключать или иным образом нарушать подключение к Интернету и доступ к телекоммуникациям⁶³. В противоположность этому суд в Индонезии вынес постановление против решения об отключении Интернета в целях предотвращения распространения «фальшивых новостей» во время политических волнений в Папуа и Западном Папуа на том основании, что оно было чрезмерным и нецелесообразным⁶⁴.

51. Совет по правам человека решительно осудил применение отключений Интернета, которые преднамеренно и произвольно препятствуют или нарушают доступ к информации в режиме онлайн⁶⁵. Отключение Интернета по сути своей является непропорциональной мерой реагирования, учитывая общий характер этого деяния, блокирующего множество других видов использования Интернета. Как таковое оно нарушает требование необходимости и соразмерности, закрепленное в международном праве в области прав человека. Оно лишает людей всей информации и услуг в режиме онлайн. Оно препятствует избирателям в получении доступа к информации о выборах, правозащитникам — в документировании и сообщении информации о правозащитных вопросах, вызывающих обеспокоенность, а журналистам и средствам массовой информации — в освещении вопросов, представляющих общественный интерес. Лишая людей источников информации, отключения Интернета не сдерживают дезинформацию, а, напротив, препятствуют выяснению фактов и, вероятнее всего, будут способствовать распространению слухов. Во многих случаях они, как представляется, направлены на то, чтобы заглушить голоса меньшинств и лишить их доступа к жизненно важной информации⁶⁶.

⁵⁷ A/HRC/44/49, п. 45.

⁵⁸ См. <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26164&LangID=E>.

⁵⁹ См. <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24057&LangID=E>.

⁶⁰ См. <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26483&LangID=E>.

⁶¹ См. <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26431&LangID=E>.

⁶² A/HRC/35/22, п. 11.

⁶³ A/HRC/35/22/Add.2, п. 29.

⁶⁴ Moch. Fiqih Prawira Adjie, “Jokowi ‘violates the law’ for banning internet in Papua, court declares”, *Jakarta Post*, 3 June 2020.

⁶⁵ Резолюция 44/12.

⁶⁶ См. материалы, предоставленные организацией «Доступ сейчас» и Центром в защиту права и демократии.

С. Уголовное законодательство

52. В государствах уже давно действуют негласные законы, направленные на устранение вреда, причиняемого ложной информацией, например в связи с диффамацией, защитой потребителей и финансовым мошенничеством. Более проблематичным является применение уголовного законодательства для наказания за распространение неопределенной ложной информации по вопросам, представляющим общественный интерес. Некоторые из этих законов восходят к колониальным временам и считаются внутренними судами Замбии⁶⁷, Зимбабве⁶⁸ и Уганды⁶⁹ неконституционными и необоснованными в современных демократических обществах. В 2016 году региональный суд в Западной Африке пришел к выводу о том, что такие уголовные преступления, как подстрекательство к мятежу, распространение фальшивых новостей и уголовная диффамация в Гамбии, нарушают международное право в отношении выражения мнений, и постановил отменить их⁷⁰.

53. За последнее десятилетие приняты многочисленные законы, запрещающие различные формы «ложных новостей» в Интернете и платформах социальных сетей, причем только за последний год по меньшей мере 17 государств приняли законодательство, направленное на решение проблем с информацией, связанной с пандемией⁷¹.

54. Многие из этих законов о «ложных новостях» не соответствуют триединому критерию правомерности, необходимости и законности целей, изложенному в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Часто в них не определено с достаточной точностью, что представляет собой ложная информация или какой вред они призваны предотвратить, а также не требуется установления конкретной и прочной связи между совершенным деянием и причиненным вредом. Такие слова, как «ложное», «поддельное» или «предвзятое», используются без всякого уточнения, а также выдвигаются тезисы, основанные на логике порочного круга (к примеру, «утверждение является ложным, если оно ложное или вводящее в заблуждение, полностью или частично, а также само по себе или в контексте, в котором оно представлено»)⁷². В некоторых случаях вред определяется терминами, имеющими слишком широкое значение⁷³. В некоторых законодательных системах, в частности в Малайзии⁷⁴ и Сингапуре⁷⁵, исполнительным органам власти предоставлены не ограничиваемые судебным надзором дискреционные полномочия, что открывает возможности для злоупотреблений и произвольных решений. Предписываемое наказание часто может быть чрезмерно суровым и несоразмерным и отрицательно сказываться на свободе выражения мнений⁷⁶.

55. Нечеткий и излишне широкий характер формулировок таких законов позволяет правительствам использовать их против журналистов, политических оппонентов и правозащитников. Например, противоречивые и широко определяемые положения Уголовного кодекса и антитеррористического законодательства Турции, устанавливающие уголовную ответственность за разнообразные высказывания,

⁶⁷ Замбия, Высокий суд, *Chipenzi and others v. the People*, HPR/03/2014, 4 December 2014.

⁶⁸ Зимбабве, Верховный суд, *Chavunduka v. Minister of Home Affairs*, case No. 2000 JOL 6540 (ZS), 22 May 2000.

⁶⁹ Уганда, Верховный суд, *Charles Onyango Obbo and another v. Attorney General*, constitutional appeal No. 2 of 2002, judgment, 10 February 2004.

⁷⁰ Суд Экономического сообщества государств Западной Африки, *Federation of African Journalists and four others v. the Gambia*, judgment No. ECW/CCJ/JUD/04/18.

⁷¹ См. <https://ipi.media/rush-to-pass-fake-news-laws-during-covid-19-intensifying-global-media-freedom-challenges/>. См. также материалы, предоставленные Центром в защиту права и демократии.

⁷² См. Закон Сингапура о защите от фальсификаций и манипуляций в Интернете, пункт 2 b) раздела 2.

⁷³ См., например, статью 136 Уголовного кодекса Катара и сообщение [QAT 1/2020](#).

⁷⁴ Сообщение OL [MYS 5/2021](#).

⁷⁵ Сообщение OL [SGP 3/2019](#).

⁷⁶ Сообщение OL [BFA 2/2020](#).

включая выражения, которые «порочат турецкую нацию» или «оскорбляют президента», применяются в Турции против многих политических активистов и журналистов⁷⁷. В Египте правозащитники и журналисты были привлечены к судебной ответственности за распространение «ложных новостей» после того, как они опубликовали репортажи о положении в области прав человека в стране⁷⁸. В Бангладеш задержание карикатуристов, блогеров и журналистов по Закону о цифровой безопасности привело к утверждениям о пытках и смерти в местах содержания под стражей⁷⁹. Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека выразила тревогу в связи с резким ростом применения законов о «ложных новостях» для подавления критики действий правительств в связи с пандемией COVID-19 во многих странах Азии⁸⁰.

D. Регулирование деятельности социальных сетей

56. В отношении дезинформации или недостоверной информации в сети обеспокоенность вызывает в основном то, как такая информация может распространяться, подобно вирусу, с огромной скоростью. Государства по-разному реагируют на эту проблему, некоторые принимают нормативные акты, прямо наделяющие власти полномочиями в сфере контроля над онлайн-контентом, а некоторые сосредотачивают основное внимание не на контенте, а на процессах, с помощью которых компании обращаются с дезинформацией или недостоверной информацией. Некоторые законы или предложения вызывают обеспокоенность в отношении неприкосновенности частной жизни, поскольку системы мгновенного обмена сообщениями могут подпадать под сферу их действия и требовать от пользователей предоставления идентификационной информации, данных для отслеживания или использования фильтров⁸¹.

57. За последние годы несколько государств приняли законы, наделяющие власти чрезмерными дискреционными полномочиями, чтобы принуждать платформы социальных сетей удалять контент, который они считают незаконным, в том числе то, что они считают дезинформацией или «фальшивыми новостями». Невыполнение этих требований наказывается существенными штрафами и/или блокировкой контента. Такие случаи имели место, например, в Кении⁸², Пакистане⁸³ и Российской Федерации⁸⁴. Такие законы, в сущности, ведут к подавлению законных выражений мнений в режиме онлайн при ограничении или отсутствии надлежащей правовой процедуры либо без предварительного постановления суда и вопреки требованиям пункта 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах⁸⁵. В Латинской Америке законы о дезинформации⁸⁶, заставляющие платформы принимать решения об удалении контента без судебного постановления, несовместимы со статьей 13 Американской конвенции о правах человека.

58. Тенденция, в рамках которой государства делегируют сетевым платформам традиционно принадлежащие судам функции «полиции высказываний», сохраняется. Риск, связанный с такими законами, заключается в том, что посредники, опасаясь санкций, могут из осторожности «переусердствовать» в удалении контента. Немецкий Закон о правоприменении в сети, принятый в 2018 году и недавно подвергшийся изменениям, позволяет пользователям сообщать о контенте, который, по их мнению,

⁷⁷ См., например, сообщения OL [TUR 13/2020](#), AL [TUR 18/2020](#) и AL [TUR 20/2020](#).

⁷⁸ См., например, сообщения AL [EGY 19/2020](#), AL [EGY 15/2020](#), AL [EGY 10/2020](#), UA [EGY 6/2020](#) и UA [EGY 1/2020](#).

⁷⁹ Сообщения OL [BGD 4/2018](#) и AL [BGD 7/2020](#).

⁸⁰ См. <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25920&LangID=E>.

⁸¹ См., например, сообщение [BRA 6/2020](#); см. также материалы, предоставленные организацией Derechos Digitales.

⁸² Сообщение OL [KEN 10/2017](#).

⁸³ Сообщение OL [PAK 3/2020](#).

⁸⁴ Сообщение OL [RUS 4/2019](#).

⁸⁵ См. <https://transparency.facebook.com/content-restrictions>.

⁸⁶ Сообщение OL [BRA 6/2020](#).

является незаконным согласно определенным положениям Уголовного кодекса, и обязывает платформы в кратчайшее время удалять «нарушающий закон контент» либо сталкиваться с крупными штрафами⁸⁷. Хотя этот немецкий законодательный акт не запрещает дезинформацию и не предусматривает наказаний за нее, на него ссылались другие страны, стремящиеся ввести в действие излишне ограничительные законы о посредниках или правила о социальных сетях, которые позволяли бы удалять «фальшивые новости» без судебного или даже квазисудебного постановления.

Е. Новые тенденции

59. В странах, где дезинформация или недостоверная информация прямо не запрещена, государства в борьбе с дезинформацией, как правило, полагаются на предлагаемые платформами социальных сетей условия предоставления услуг. Однако в Европейском союзе, похоже, складывается новая тенденция, согласно которой после принятия и вступления в силу проекта закона о цифровых услугах от платформ и других посредников потребуются принятие мер по обеспечению прозрачности и соблюдению процессуальных норм, что, в частности, могло бы помочь в решении проблемы дезинформации. Такие предложения в сфере регулирования, которые нацелены на обеспечение прозрачности и соблюдение обязательств в отношении надлежащей правовой процедуры, а не на правила, в основу которых положена точка зрения или контент, могут привести к позитивному вкладу в защиту прав человека и повысить ответственность платформ перед общественностью. Однако, для того чтобы регулирующие меры работали должным образом, необходимо гарантировать и скрупулезно соблюдать независимость надзорного или регулирующего органа⁸⁸.

60. В проект закона о цифровых услугах также будут включены требования к крупным сетевым платформам о ежегодном проведении обзоров «существенных системных рисков, связанных с функционированием и использованием их услуг», включая «умышленное манипулирование их услугами», которое вызывает или может вызвать негативные последствия для охраны здоровья населения, несовершеннолетних, гражданского дискурса, избирательных процессов и общественной безопасности⁸⁹. В ответ на это должны быть приняты соответствующие меры по смягчению последствий, подлежащие независимой аудиторской проверке. Ожидается также, что очень крупные сетевые платформы будут соблюдать кодексы поведения, в том числе в отношении дезинформации, под независимым надзором за мерами регулирования. Будут ли эти меры должной осмотрительности способствовать защите прав человека и устранению дезинформации в государствах — членах Европейского союза, в конечном счете будет зависеть от того, насколько четко и узко они сформулированы в законе, а также от эффективности и независимости регулирующих органов.

61. Еще одна новая тенденция проявляется в том, что в законопроектах или предложениях видно стремление ограничить распространение незаконного или иного вредоносного контента, например в Бразилии⁹⁰, Соединенных Штатах⁹¹ и Франции⁹². Такие меры могли бы помочь уменьшить воздействие дезинформации, если бы законы были составлены ясным и точным языком, с тем чтобы они не посягали на свободу слова, а были направлены только на подавление ненужного проникновения.

62. Бесперывное временное отключение бывшего президента Соединенных Штатов Трампа от услуг в Twitter, Facebook, YouTube, Reddit и на других платформах после событий 6 января 2021 года в Капитолии Соединенных Штатов также вызвало

⁸⁷ Сообщение OL DEU 1/2017.

⁸⁸ См., например, Eleonora Maria Mazzoli and Damian Tambini, “Prioritisation uncovered: the discoverability of public interest content online”, исследование Совета Европы DGI(2020)19, pp. 40–43.

⁸⁹ См. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0825&from=en>.

⁹⁰ Сообщение OL BRA 6/2020.

⁹¹ Материалы, предоставленные организацией «Доступ сейчас».

⁹² Сообщение OL FRA 5/2018.

предложения регулирующих органов о наложении санкций на компании за удаление законного контента. В Польше в новом предложенном законе будет содержаться требование к компаниям, работающим в социальных сетях, восстанавливать контент, который орган, в значительной степени контролируемый правительством, сочтет законным⁹³. В Бразилии условия предоставления услуг, допускающие удаление контента на основании мнения, могут привести к приостановке предоставления услуг или иным санкциям. Такие «неизбежные» обязательства или связанные с ними обязательства, характеризующиеся «обязанностью проявлять беспристрастность», могут нанести ущерб, если они не соответствуют международным нормам в области прав человека, которые, решительно отстаивая свободу выражения мнений, запрещают язык вражды⁹⁴.

V. Меры реагирования компаний: основные проблемы

63. Обязательства компаний в области прав человека отличаются от обязательств государств. Вместе с тем ожидается, что компании будут соблюдать права человека в проводимых ими деятельности и операциях в соответствии с Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Им по меньшей мере следует проводить регулярные оценки воздействия их продукции, операций и политики на права человека и применять процедуры должной осмотрительности с целью выявления, предотвращения или смягчения любого фактического или потенциального неблагоприятного воздействия на права человека. Им также следует ввести в действие процесс восстановления качества среды для пользователей. Совместная декларация о свободе выражения мнений и «фальшивых новостях», дезинформации и пропаганде, а также доклады предыдущего мандатария тоже представляют собой важное руководство для компаний по стандартам в области прав человека, применимым к их политике и практике регулирования контента.

64. В ответ на проблемы, возникающие в результате дезинформации и недостоверной информации, крупнейшие платформы социальных сетей, базирующихся в Соединенных Штатах⁹⁵, приняли целый ряд стратегий и инструментов. Они, как правило, запрещают то, что считают «ложными новостями», а также различные мошеннические практики, подрывающие подлинность и целостность на их платформах. Некоторые из них приняли конкретные стратегии в отношении недостоверной информации, связанной с COVID-19⁹⁶, и в отношении гражданской добросовестности⁹⁷. Обеспечение соблюдения может принимать различные формы, начиная с обозначения особыми метками и объявления предупреждений и заканчивая удалением контента и закрытием учетных записей. Проблемная информация становится менее заметной или ее проникновение снижается⁹⁸. Компании также ссылаются на усилия по продвижению аутентичного контента⁹⁹. Facebook создал программу проверки фактов третьей стороной¹⁰⁰. Совсем недавно Twitter объявил о новом подходе к борьбе с недостоверной информацией на уровне общин¹⁰¹. Помимо платформ социальных сетей, службы обмена сообщениями, такие как WhatsApp, ограничили возможности своих пользователей по пересылке

⁹³ См., например, Richard Wingfield, “Poland: draft law on the protection of freedom of speech on online social networking sites”, 8 February 2021.

⁹⁴ См., например, решение суда в Риме по делу *Facebook v. CasaPound*, case No. 80961/19, 29 April 2020.

⁹⁵ В связи с отсутствием легкодоступной информации, ссылки в настоящем разделе относятся в основном к Facebook, YouTube и Twitter, а также, в некоторой степени, к TikTok.

⁹⁶ Например, Twitter и YouTube.

⁹⁷ См. <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/election-integrity-policy>.

⁹⁸ См., например, Tessa Lyons, “Hard questions: what’s Facebook’s strategy for stopping false news?”, 23 May 2018. См. также варианты Twitter в области правоприменения, имеются по адресу <https://www.youtube.com/howyoutubeworks/product-features/news-information/>.

⁹⁹ См., например, <https://www.youtube.com/howyoutubeworks/product-features/news-information/>.

¹⁰⁰ См. <https://www.facebook.com/journalismproject/programs/third-party-fact-checking>.

¹⁰¹ Keith Coleman, “Introducing Birdwatch, a community-based approach to misinformation”, 25 January 2021.

сообщений неограниченному количеству людей, особенно в такие деликатные периоды, как, например, выборы¹⁰².

65. Хотя эти меры, как правило, носят позитивный характер, они являются недостаточным ответом на проблемы, связанные с дезинформацией. Ответных усилий по регулированию контента просто недостаточно для того, чтобы добиться значительного изменения ситуации при отсутствии серьезного пересмотра модели предпринимательской деятельности, которая лежит в основе многих факторов, способствующих дезинформации и недостоверной информации¹⁰³. Кроме того, в рамках усилий по регулированию контента по-прежнему проявляются все те же давние проблемы непоследовательного применения компаниями условий предоставления услуг, неадекватных механизмов возмещения ущерба и отсутствия транспарентности и доступа к данным, что затрудняет объективную оценку эффективности принятых мер. К тому же платформы, хотя и являются глобальными предприятиями, но они, как представляется, не применяют свою политику последовательно во всех географических районах и не в одинаковой степени отстаивают права человека во всех юрисдикциях.

А. Рекламная модель предпринимательской деятельности

66. Алгоритмы, целенаправленную рекламу и сбор данных, практикуемые крупнейшими социальными медиа-компаниями, в значительной степени называют причиной того, что подталкивает пользователей к «экстремистскому» контенту и теориям заговора, которые подрывают право на формирование мнения и свободу выражения мнений¹⁰⁴. Имеется реальная обеспокоенность тем, что систематический сбор данных о деятельности пользователей в Интернете и целенаправленная реклама могут нарушать их право на свободу мнений согласно пункту 1 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Отсутствие транспарентности, когда компании автоматически отслеживают контент в Интернете, также указывает на неприемлемый уровень вторжения в право отдельных лиц формировать собственные идеи без манипуляций и в право на неприкосновенность частной жизни. Разрабатывая свою продукцию с весьма персонифицированным контентом, с тем чтобы стимулировать привыкание к ее бесконтрольному потреблению, компании продолжают продвигать систему, которая значительно подрывает авторитет и выбор людей в отношении их информационной диеты¹⁰⁵. Наконец, есть основания полагать, что записывание личных мыслей людей, выраженных в ходе поиска в Интернете и других действий в сети, может быть дискриминационным образом использовано против них коммерческими субъектами или правительствами¹⁰⁶. Существует также обеспокоенность по поводу того, что сбор данных об этнической или политической принадлежности без каких-либо ограничений или гарантий может быть опасным в странах, где в прошлом совершалось политическое насилие.

67. Несмотря на эти опасения, неясно, намерены ли платформы социальных сетей пересмотреть свою модель предпринимательской деятельности в рамках прилагаемых ими усилий по проявлению должной осмотрительности в вопросах прав человека. Не хватает и общедоступной информации, позволяющей пользователям, исследователям и активистам понять, каким образом с помощью алгоритмов продвигают определенные виды контента.

68. Основная область, в которой крупнейшими компаниями, по-видимому, приняты некоторые меры, связана с политической рекламой. Масштабы дезинформации, связанной с выборами, с запозданием побудили социальные медиа-компании создавать рекламные архивы или библиотеки, которые позволяют в

¹⁰² См., например, материалы, предоставленные организацией «Женщины, сила перемен».

¹⁰³ Материалы, предоставленные Центром по изучению социальных сетей и политики.

¹⁰⁴ См., например, материалы, предоставленные компанией Vodafone.

¹⁰⁵ A/HRC/44/49, п. 60.

¹⁰⁶ Evelyn Aswad, “Losing the freedom to be human”, p. 363.

какой-то степени контролировать политическую рекламу на их платформах. Однако имеющаяся информация часто слишком ограничена, а проверки политических рекламодателей не являются обязательными¹⁰⁷. Кроме того, пользователи получают доступ к политической рекламе по умолчанию, а не с помощью механизма получения разрешения. В более общем плане отсутствует ясность в отношении критериев или целей, применяемых для адресной рекламы, и их совместимости с нормами в области прав человека.

69. В этом вопросе необходимо обеспечить большую прозрачность, в том числе путем предоставления информации о целевых показателях, фактическом охвате и объеме средств, затраченных на рекламу¹⁰⁸. В случае политической рекламы это должно осуществляться параллельно с реформами, проводимыми государствами в отношении законов о выборах с целью обеспечения того, чтобы сетевая политическая реклама и цифровые кампании не подрывали целостности выборов и демократических процессов.

В. Применение правил

70. В борьбе с дезинформацией или недостоверной информацией в сети социальные медиа-компании полагаются на целый ряд стратегий в отношении контента. Применяемые правила может быть нелегко найти, поскольку они часто разбросаны по различным частям веб-сайтов компаний и содержатся в нормах сообщества, стратегиях, заявлениях руководства, отделах новостей, страницах с информацией о продукции и в центрах оказания помощи по вопросам предпринимательства¹⁰⁹. Общую обеспокоенность вызывает то, что эти определения часто носят слишком широкий характер: в них не всегда четко прописано, какой именно вред и какая вероятность причинения вреда могут привести к удалению контента, обозначению особыми метками или другим санкциям. Применение скоординированной политики манипулятивного воздействия также может оказывать негативное воздействие на свободу выражения мнений, особенно на деятельность в период законного проведения кампаний¹¹⁰. Отсутствие ясности в определениях компаний затрудняет последовательное применение их правил и политики.

71. Эта проблема усугубляется чрезмерной зависимостью от автоматических фильтров, которые не способны уловить нюансы или понять контекст. Технологическая ограниченность и политическая подоплека в определении того, что является дезинформацией, в сочетании с отсутствием прозрачности в принятии решений по регулированию контента увеличивают риск того, что допустимый контент будет удален. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость участия человека в принятии решений об удалении контента, особенно в тех случаях, когда существует опасность нанесения реального ущерба или применения насилия¹¹¹.

С. Средства правовой защиты

72. Компании по-прежнему не предоставляют надлежащих средств правовой защиты от противоправных действий, совершаемых на основании дезинформации или недостоверной информации. Механизмы обжалования неправомерных решений имеют решающее значение для погашения значительных рисков, которые характерны для крупных социальных медиа-компаний, использующих несовершенные фильтры для удаления контента. Тем не менее похоже, что обжалования невозможны в

¹⁰⁷ Материалы, предоставленные международной организацией «Прайвеси».

¹⁰⁸ Kate Jones, “Online disinformation and political discourse”, p. 54. См. также Nathalie Maréchal, Rebecca MacKinnon and Jessica Dheere, “Getting to the source of infodemics: it’s the business model” (New America, May 2020), pp. 55–56.

¹⁰⁹ См., например, решение Надзорного совета Facebook по делу 2020-006-FB-FBR.

¹¹⁰ См. <https://www.accessnow.org/rights-groups-to-facebook-on-tunisi-as-disappeared-accounts-were-still-waiting-for-answers/>.

¹¹¹ Материалы, предоставленные компанией Глобальное цифровое партнерство.

отношении принимаемых компаниями принудительных мер исполнения, таких как обозначение особыми метками и перевод в низший разряд. Они, как представляется, также невозможны для оспаривания решений, принятых на основании скоординированной политики причинения вреда или манипулятивного воздействия. Кроме того, неясно, имеются ли механизмы обжалования в целом ряде языков.

73. В дополнение к внутренним механизмам рассмотрения жалоб ценным способом укрепления средств правовой защиты могут быть предложения об осуществлении надзорных функций органами третьей стороны. Надзорный совет Facebook, который является внешним механизмом рассмотрения жалоб, представляет собой новый эксперимент. Хотя еще слишком рано оценивать его эффективность, в свое время следует оценить ее в рамках транспарентного процесса с участием многих заинтересованных сторон, поскольку из этого можно извлечь ценные уроки для всей отрасли. Необходимо также рассмотреть применение таких общепромышленных мер с участием многих заинтересованных сторон, как создание советов по социальным сетям, особенно для мелких игроков. Такие многосторонние органы могли бы выносить рекомендации по вопросам политики, в том числе в отношении дезинформации и недостоверной информации, и рассматривать апелляции по решениям, принимаемым участвующими компаниями.

D. Географические различия

74. Значительной проблемой в подходах компаний к регулированию контента является очевидное неравенство, с которым они применяют свои стратегии в разных частях мира¹¹². В то время как Соединенные Штаты используют специальные информационные центры по проведению выборов или голосованию либо библиотеки политической рекламы, большинство стран, по-видимому, не получают инвестиций в таком же объеме¹¹³. Даже в Соединенных Штатах испаноязычные ресурсы финансируются гораздо меньше, чем англоязычные. Лишь некоторые компании постепенно разрабатывают временную политику в отношении недостоверной информации в период выборов в конкретных странах там, где они работают¹¹⁴, но таких, похоже, меньшинство. Кроме того, возможность сообщить о контенте, как представляется, в полной мере доступна только в Соединенных Штатах, и в гораздо меньшей мере в странах Латинской Америки¹¹⁵.

75. Во многих частях мира услуги по проверке фактов более ограничены¹¹⁶. Информация, поступившая от лиц, сигнализирующих о нарушениях, вызвала обеспокоенность в отношении преднамеренного бездействия компаний на менее изобильных рынках. Если такое подтвердится, то эти различия стали бы свидетельством совершенно иного качества регулирования контента, что подрывает пространство гражданского общества в развивающихся странах¹¹⁷.

76. Крупнейшие компании, базирующиеся в Соединенных Штатах и пребывающие под влиянием проводимой там политики и общественного мнения, как представляется, руководствуются приоритетами Соединенных Штатов и Европы. Они не вкладывают достаточных ресурсов в выяснение местных факторов, подпитывающих сетевую дезинформацию в других частях мира, особенно в развивающихся странах¹¹⁸. Необходимы глубокое понимание местных политических, социальных и экономических условий, владение языком и тесное сотрудничество с гражданским обществом в странах, где дезинформация более широко распространена.

¹¹² См., например, материалы, предоставленные организацией Intervozes.

¹¹³ Материалы, предоставленные международной организацией «Прайвеси».

¹¹⁴ См. материалы, предоставленные Facebook, о его стратегии в Мьянме.

¹¹⁵ Материалы, предоставленные организацией Derechos Digitales.

¹¹⁶ См. Mahsa Alimardani and Mona Elswah, “Trust, religion and politics: coronavirus misinformation in Iran”, в *2020 Misinfodemic Report: COVID-19 in Emerging Economies* (Meedan, 2020).

¹¹⁷ См. <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/facebook-ignore-political-manipulation-whistleblower-memo>.

¹¹⁸ Материалы, предоставленные Центром в защиту права и демократии.

Е. Политическое давление

77. Представляется, что компании не применяют неукоснительно свои условия предоставления услуг или нормы сообщества к общественным деятелям. Похоже, что они также не разработали четкой политики в отношении защиты политического контента от цензуры в качестве «ложных новостей» или борьбы с контентом, производимым общественными деятелями, которые выступают за подстрекательство к насилию.

78. Непоследовательное применение норм сообщества привело к критике в адрес крупных платформ во время президентских выборов в Соединенных Штатах в 2020 году. В феврале 2021 года Facebook запретил использование учетных записей, связанных с военными, после государственного переворота в Мьянме, но не обязался поступать так же в других ситуациях. Когда в начале этого года власти оказывали на платформы давление с целью закрытия учетных записей журналистов и правозащитников, освещавших протесты фермеров в Индии, те, похоже, выполнили эти требования¹¹⁹. В апреле 2020 года сообщалось, что Facebook согласился значительно повысить объем выполнения требований правительства Вьетнама о цензуре «антигосударственного» контента и закрыл учетные записи многих правозащитников после того, как власти вывели из строя его серверы, что замедлило работу платформы и на семь недель привело ее в неработоспособное состояние¹²⁰.

79. При отсутствии четкой политики компании подвергаются давлению с целью заставить их принимать жесткие меры в отношении законных политических высказываний и способствовать дезинформации, поощряемой государством. Компаниям следует обосновывать свои нормы сообщества международными нормами в области прав человека, в том числе нормами, касающимися права на свободу выражения мнений, согласно которому высказывания политиков, политических партий и других общественных деятелей и организаций будут пользоваться высокой степенью защиты. Международное право в области прав человека допускает удаление контента, размещаемого общественным деятелем, лишь на очень ограниченных основаниях, включая подстрекательство к насилию и ненависти. Прочно опираясь на международные нормы в предоставлении ими услуг, компании могли бы лучше противостоять давлению, направленному на удаление законных высказываний, поскольку они тогда поддерживали бы те же документы и принципы, в отношении которых государства официально взяли на себя обязательства.

Ф. Транспарентность, подотчетность и доступ к данным

80. Отсутствие транспарентности и доступа к данным по-прежнему относятся к крупным недостаткам компаний почти во всех проблемных вопросах, связанных с дезинформацией и недостоверной информацией. Это препятствует независимому контролю и сказывается на подотчетности и доверии. Непрозрачность ущемляет права пользователей и делает невозможным посредничество.

81. Большинство крупнейших социальных медиа-компаний дважды в год представляют отчеты о транспарентности, но не делятся более подробной и содержательной информацией о мерах, принимаемых в целях борьбы с дезинформацией или недостоверной информацией¹²¹. Например, в отчете Facebook о транспарентности предоставлена информация лишь об удалении поддельных учетных записей, но не о контенте. Аналогичным образом не предоставляется никакой информации о том, какой контент был обозначен особыми метками, а также об обжалованиях решений об удалении контента или приостановлении действия учетных записей в связи с проведением политики дезинформации. Отсутствуют данные о

¹¹⁹ Сообщение IND 2/2021.

¹²⁰ См. <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-facebook-exclusive-idUSKCN2232JX>.

¹²¹ См., например, Working Group on Infodemics, *Policy Framework* (Forum on Information and Democracy, November 2020), pp. 17 ff., см. также материалы, предоставленные Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

вовлеченности пользователей в распространение дезинформации или недостоверной информации, включая данные о числе пересланных сообщений, просмотров, об охвате и жалобах или запросах об удалении. Необходимо также больше информации о надежности и точности систем искусственного интеллекта, развернутых в целях распознавания и удаления контента¹²². Общее отсутствие прозрачности в отношении действующих в компаниях систем и процессов регулирования контента делает невозможной оценку эффективности принимаемых ими мер и их воздействия на права человека. Это усугубляется отсутствием достаточного доступа исследователей, ученых или представителей гражданского общества к данным, позволяющим им проводить более независимые и объективные оценки.

82. Необходимо также повысить прозрачность в отношении соглашений между компаниями и правительствами, особенно в тех случаях, когда в этих соглашениях предусматривается большая гласность о направляемых правительством сообщениях или удалении контента или других ограничениях в отношении высказываний.

VI. Выводы и рекомендации

83. В докладе, посвященном дезинформации, легко — но при этом опасно — упустить из виду ту ценность, которую цифровые технологии представляют для демократии, устойчивого развития и прав человека, либо то жизненно важное значение, которое отведено праву на свободу мнений и их свободное выражение в этом уравнении. Поэтому попытки бороться с дезинформацией с помощью подрыва прав человека являются недальновидными и контрпродуктивными. Право на свободу мнений и их свободное выражение является не частью проблемы, а целью и средством борьбы с дезинформацией. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала как настоятельную необходимость отстаивать это право, так и проблемы, связанные с борьбой с дезинформацией и недостоверной информацией.

84. Дезинформация представляет собой сложное, многогранное явление, имеющее серьезные последствия. Она разрушает доверие людей к демократическим институтам. Она процветает там, где режимы общественной информации слабы, а независимые журналистские расследования ограничены. Она ущемляет права отдельных лиц, лишает их возможности самостоятельно искать, получать и обмениваться информацией и формировать мнения. В мире платформ отдельные лица считаются пользователями, а не правообладателями, осуществляющими посредническую деятельность.

85. Дезинформация связана с проблемами, но с ними же связаны и меры реагирования государств и компаний. Законы и политика часто применяются при неоптимальном знании о вреде, причиняемом в Интернете, без наличия надлежащих данных, исследований или консультаций с общественностью. Государства прибегают к несоразмерным мерам, таким как отключения Интернета и принятие расплывчатых и имеющих чрезмерно широкий характер законов в целях введения уголовной ответственности, блокирования, цензуры за высказывания в сети и их подавления, а также сокращения пространства гражданского общества. Эти меры не только несовместимы с международным правом в области прав человека, но и способствуют усилению ошибочных представлений, страха и укоренению недоверия к общественным институтам.

86. Меры реагирования компаний носят ответный, неадекватный и непрозрачный характер. Деятельность крупных платформ сосредоточена на совершенствовании регулирования контента, при этом игнорируется обеспокоенность в отношении прав человека, связанная с моделями их предпринимательской деятельности, отсутствием прозрачности и несоблюдением прав пользователей на надлежащую правовую процедуру.

¹²² См., например, материалы, предоставленные Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

87. Основная задача государств, компаний и средств массовой информации состоит в восстановлении доверия общественности к целостности информационного порядка. Для успешной борьбы с дезинформацией требуется принятие многоплановых и многосторонних мер реагирования, опирающихся на весь спектр прав человека, и инициативное участие государств, компаний, международных организаций, гражданского общества и средств массовой информации. Невозможно переоценить необходимость диалога и партнерских отношений с участием многих заинтересованных сторон.

88. Государства являются главными носителями обязательств и обязаны уважать, защищать и соблюдать права человека. В соответствии со своим обязательством уважать права человека государствам не следует делать, спонсировать, поощрять или распространять заявления, которые, как им известно, или разумно было бы полагать, что известно, являются ложными, либо разрешать отключения Интернета в качестве средства борьбы с дезинформацией. Им следует воздерживаться от ограничения свободы выражения мнений в сети или обычным способом, за исключением случаев, когда это соответствует требованиям пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, строго и узко толкуемых.

89. Уголовное право следует применять лишь в самых исключительных и вопиющих случаях подстрекательства к насилию, ненависти или дискриминации. Уголовные законы о клевете являются наследием колониального прошлого, и им нет места в современных демократических обществах. Их следует отменить.

90. Государства обязаны обеспечивать соблюдение компаниями прав человека. Они не должны принуждать компании к удалению или блокированию контента, который является законным по международному праву в области прав человека, а также требовать от них принятия решений о законности контента по национальному законодательству, что должны делать суды. Компании должны действовать транспарентно в отношении таких просьб со стороны государств и воздерживаться от заключения сделок за закрытыми дверями.

91. Государственное регулирование деятельности социальных сетей следует сосредоточить на обеспечении транспарентности, соблюдении прав пользователей на надлежащую правовую процедуру и проявлении должной осмотрительности в отношении прав человека со стороны компаний, а также на обеспечении того, чтобы независимость и сфера полномочий регулирующих органов были четко определены, гарантированы и ограничены законом.

92. Защита данных является ключом к переориентации рекламной модели предпринимательской деятельности цифровой экономики, которая приводит к информационной путанице и к связанным с этим нарушениям прав человека. Государствам следует принять жесткие законы о защите данных и обновить законы о выборах и другие соответствующие законы, с тем чтобы ограничить повсеместное отслеживание и целенаправленное использование лиц и их деятельности в режиме онлайн.

93. Разнообразная и надежная информация является очевидным противоядием от дезинформации и недостоверной информации. Государства должны выполнять свою обязанность обеспечивать право на информацию, во-первых, путем повышения транспарентности собственной деятельности и инициативного раскрытия официальных данных в режиме онлайн и обычным способом и, во-вторых, путем подтверждения своей приверженности свободе, разнообразию и независимости средств массовой информации. Обеспечение безопасности журналистов в сети и в реальной жизни и прекращение безнаказанности за угрозы, запугивание, преследование, нападения и убийства журналистов, включая журналистов, блогеров, карикатуристов и правозащитников из числа женщин, имеют ключевое значение для

восстановления доверия к сфере общественной жизни как к безопасному месту для ведения демократических обсуждений.

94. Медийная информационная и цифровая грамотность расширяет права и возможности людей и повышает их устойчивость к дезинформации и недостоверной информации, как это было недавно отмечено Генеральной Ассамблеей¹²³. Она должна стать частью национальной школьной программы и охватывать как молодежь, так и пожилых лиц. Наряду с цифровой грамотностью необходимо уделять больше внимания приобщению к цифровым технологиям, с тем чтобы люди в развивающихся странах, которые в настоящее время полностью зависят от используемых для подключения к Интернету социальных медиа-платформ и приложений для обмена сообщениями (с нулевым рейтингом), могли иметь реальный, свободный, открытый, совместимый, надежный и безопасный доступ к Интернету.

95. Компании обязаны соблюдать права человека в соответствии с международным правом в области прав человека. Хотя цифровые платформы являются частными субъектами, они оказывают далеко идущее воздействие на права человека в публичном пространстве. Как таковые, они подотчетны не только своим пользователям, но и обществу в целом. Все большую обеспокоенность вызывает доминирование на рынке крупнейших компаний, а также вредные последствия их ныне действующих моделей предпринимательства. Компании должны инициативно реагировать на эти вызывающие обеспокоенность вопросы, не ограничиваясь совершенствованием регулирования контента, а пересматривая свои модели предпринимательской деятельности, признавая посредническую и самостоятельную роль пользователей в качестве правообладателей и расширяя их права и возможности путем повышения прозрачности, качества контроля и возможностей выбора, а также обеспечения надлежащей правовой процедуры.

96. В соответствии с Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека социальным медиа-компаниям следует пересмотреть свои модели предпринимательской деятельности и обеспечить, чтобы их деловые операции, практика сбора и обработки данных соответствовали международным стандартам в области прав человека, включая статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также принципам защиты данных и соответствующим национальным стандартам защиты прав потребителей. Им следует также проводить оценку воздействия их продуктов на права человека, в частности роли алгоритмов и систем ранжирования в усилении дезинформации или недостоверной информации. Проведение таких оценок должно осуществляться регулярно накануне и после таких важных событий, как национальные выборы или крупные кризисы, например пандемия COVID-19.

97. Компаниям следует пересмотреть свои рекламные модели деятельности с целью обеспечения того, чтобы они не оказывали негативного влияния на разнообразие мнений и идей и в них четко были определены критерии, используемые для целевой рекламы. В них должна быть представлена содержательная информация о рекламодателях в хранилищах сетевой рекламы, а пользователям предоставлена возможность выбора в плане ознакомления с рекламой.

98. Компаниям после консультаций со всеми соответствующими заинтересованными сторонами следует избрать четкие, узко определенные по контенту и рекламе стратегии в отношении дезинформации и недостоверной информации, которые соответствуют международным нормам в области прав человека. Кроме того, им следует избрать соответствующие международным стандартам в области прав человека четкие стратегии в отношении государственных деятелей и последовательно применять их во всех

¹²³ Резолюция 75/267.

географических районах. Им следует обеспечивать, чтобы все стратегии были легкодоступными и понятными для пользователей и чтобы их применение последовательно обеспечивалось с учетом конкретных условий, в которых они применяются.

99. Компании должны предоставлять четкую и содержательную информацию о параметрах своих алгоритмов или рекомендательных систем и обеспечивать, чтобы эти системы позволяли пользователям по умолчанию получать разнообразные точки зрения, а также выбирать переменные параметры, которые формируют их сетевой опыт.

100. Компаниям следует публиковать всеобъемлющие, подробные и контекстуальные отчеты об обеспечении прозрачности, в том числе отдельные отчеты о деятельности в исключительных обстоятельствах, таких как пандемия COVID-19, в которых содержалась бы подробная информация о действиях, предпринятых в отношении контента, связанного с дезинформацией или недостоверной информацией, а также об обжаловании этих действий, в том числе о количестве размещенных материалов, просмотров, об охвате аудитории, жалобах и просьбах об удалении.

101. Пользователи должны располагать надлежащими правами требования. Компаниям следует создать механизмы внутреннего обжалования в отношении более широкого круга решений по регулированию контента и видов контента, например скоординированного манипулятивного воздействия. Им также следует изучить возможность создания внешних механизмов надзора, таких как советы по социальным сетям.

102. В эпоху движения Me Too («Я тоже») и государствам, и компаниям следует в приоритетном порядке вести борьбу с гендерной дезинформацией в Интернете, а также уделять особое внимание ее последствиям в реальном мире. Компаниям следует вводить надлежащую политику, средства правовой защиты и механизмы, учитывающие гендерную проблематику по всем аспектам деятельности платформ и разработанные в консультации с теми, на ком сказывается это вредоносное поведение. Государствам следует также в полной мере учитывать гендерные аспекты в своих стратегиях и программах по борьбе с дезинформацией и недостоверной информацией, в том числе в программах по распространению медийной, информационной и цифровой грамотности.

103. В качестве субъектов, действующих на глобальной арене, компаниям следует вкладывать больше ресурсов в развитие своего понимания местных условий, которые способствуют распространению дезинформации и недостоверной информации, и устранять различия, проявляющиеся в знаниях, владении языками, политике и услугах применительно к развивающимся странам, меньшинствам и другим уязвимым группам, опираясь на мнения местного гражданского общества и групп, которые являются объектом дезинформации и недостоверной информации.

104. Одну из главных проблем в борьбе с дезинформацией и недостоверной информацией представляют собой пробелы в знаниях, обусловленные отсутствием доступа к данным, особенно в отношении развивающихся стран. Следует уделять больше внимания предоставлению данных для проведения исследований, разработки политики, мониторинга и оценки. Концепция «дифференцированной конфиденциальности»¹²⁴ могла бы обеспечить путь для доступа к хранилищам данных в исследовательских целях при соблюдении прав человека и учете соображений безопасности пользователей.

105. И наконец, не маловажно то, что правозащитная система Организации Объединенных Наций и, в частности, Совет по правам человека призваны играть значительную роль в обеспечении того, чтобы все усилия по борьбе с дезинформацией и недостоверной информацией прочно опирались на нормы

¹²⁴ Working Group on Infodemics, *Policy Framework*, p. 125.

международного права в области прав человека, включая уважение свободы мнений и их свободного выражения. Совету следует рассмотреть вопрос о проведении с участием многих заинтересованных сторон регулярных консультаций с государствами, компаниями, организациями гражданского общества и соответствующими международными и региональными субъектами, а также о разработке инициатив в области защиты и поощрения прав человека в цифровом пространстве.
